

ИМЕНА

Будущее создаётся тобой, но не для тебя

Разговор с Борисом Стругацким

Михаил ЛЕМХИН

В конце сентября 1983 года Борис Натанович сидел в нашей квартире в доме Державина на Фонтанке, пил чай и выглядел немного растерянно. Никто из нас не умел прощаться. Тем более – прощаться навсегда. «Обязательно пишите, - повторял он ту же самую фразу. – Я буду отвечать».

Это звучало по-стругацки. Он был не из тех, кто мог бы сказать: «Миша, вы сами понимаете... Про нас и так говорят...»

Переписываться с эмигрантами было скверно и для обычного гражданина, а для Бориса Стругацкого действительно могло ещё и грозить осложнениями – в конце концов, я же был не брат и не сват ему и даже не близкий друг. Приятель. Один из. Посовестски надо было распрощаться и отправиться каждому в свою сторону. По-человечески, какая разница где живёт приятель – с которым ты знаком без малого 20 лет – в Ленинграде или в Сан-Франциско? По-человечески всё было ясно, но родились-то мы в советской стране, и правила устанавливались не нами.

(У меня был один знакомый доктор и неплохой прозаик, который с родной сестрой, уехавшей в Израиль, боялся переписываться сам. Письма и посылки сестры шли на мой адрес – мне было всё равно, я был отказником, – и от моего же имени ответы отправлялись в Израиль).

Борис Натанович никогда не вставал в позу, готов был к разумным компромиссам, но в данном случае подчиниться этим разумным правилам значило бы – как выражался сам Борис – «потерять лицо».

«Обязательно пишите, Миша. Я буду отвечать», - повторил он, вставая.

Мы перетаскали к нему в машину тридцать (по-моему, тридцать?) увесистых томов Большой Советской Энциклопедии – мой подарок (или наследство?) Обнялись во дворе и Борис уехал. Домой на улицу Победы. А через несколько дней уехал я. Улетел в Вену в полупустом самолёте.

Письма в те поры шли долго и с препятствиями, но мы переписывались, а с какого-то момента стали разговаривать по-телефону, но не чаяли увидеть друг друга и, однако, увиделись ещё не раз.

24 мая 1991 года мы всей семьёй прилетели в Ленинград – в первых числах июня в Петропавловской крепости (в Музее истории города) должна была открыться выставка моих портретов. 25-го утром я позвонил Борису. «А я ждал вчера вашего звонка, - сказал Борис Натанович почти с обидой. – Вы где? Давайте прямо сейчас приезжайте».

Я пробыл тогда в Союзе два месяца. Из Ленинграда в начале июля я повёз свою выставку в Киев, а потом вернулся в Ленинград и пробыл там до 1 августа.

За эти два месяца я заходил к Борису раз десять. Разумеется, мы говорили и про Америку, про американскую жизнь и мои американские дела, но в Америке ничего особенного не происходило, а там, в Ленинграде, всё бурлило, кипело и, казалось, вот-вот взорвётся.

Незадолго до моего отъезда домой,

в Сан-Франциско, я решил взять у Бориса Натановича интервью – вот это самое интервью, которое предлагаю сейчас читателям. Понятно, я даю только выдержку из многочасовой болтовни с кофе и табачным дымом, но канва разговора сохранена.

Через три недели после нашего разговора произошёл путч.

Через три месяца в Москве умер Аркадий Натанович, и писатели Стругацкие перестали существовать.

Фотопортрет Бориса Стругацкого работы Михаила Лемхина
© Михаил Лемхин, 1972 г.

Это интервью было опубликовано два с лишним десятка лет назад в нью-йоркской газете «Новое русское слово» и с тех пор никогда нигде не перепечатывалось.

- Борис Натанович, недавно в интервью «Литератору»* вы сказали: «Мы были уверены, что так и сгинем в мире несвободы, не увидев ничего другого». Когда вы поняли: что-то меняется? Как изменялись времена для вас, когда вы поверили, что — да, меняется?

- Вы знаете, вспомнить довольно трудно. Я помню, как мы с друзьями обсуждали все эти изменения и считали, какие темы еще остались закрытыми, и мы говорили друг другу: «Ну, какие это изменения, какая это свобода. Внешнюю политику критиковать нельзя. Комитет госбезопасности критиковать нельзя. Историю можно критиковать только до 1985 года».

И вот постепенно отпадали все эти ограничения. Ведь для меня перестрой-

ка — это установление свободы слова, свободы информации. Все остальное для меня — вторично...

- То есть, вы хотите сказать, что на этом уровне вы получили все, чего хотели. Ну, или почти все?

- Да. Конечно, надо трезво относиться к тому обстоятельству, что я сейчас неплохо живу. Нас издают, мы не нуждаемся в деньгах. А раз так, то мы далеки от огромного количества проблем, которые встали, например, перед моими друзьями. И если бы, скажем, у нас не было такого литературного задела, наверное, нам было бы сейчас тяжело, и, может быть, я бы ко всему этому относился иначе. Но сейчас я нахожусь в некоей идеальной атмосфере — все желания заветные исполнились: можно говорить все, что хочешь, писать все, что хочешь, слушать все, что хочешь, читать все, что хочешь. Никогда в жизни, в сознательной жизни я имею в виду, ни о чем большем я не мечтал.

Перед сном я всю жизнь имею обыкновение сочинять всякие истории с собственной жизнью: как происходит то-то или то-то. Ну, не было у меня таких вот историй, как я вдруг разбогател. Не было. Это было несущественно. А вот свобода высказывания и информации — это был действительно объект мечты... И мы оказались в положении нашего Виктора Банева: мы попали в тот мир, за который всю свою жизнь боролись, о котором всю свою жизнь мечтали, — и вот мы в нем оказались.

- К Баневу мы еще вернемся, ладно? Но я хочу переформулировать свой вопрос — если затруднительно шаг за шагом вспомнить, как происходили перемены, давайте посмотрим, как меняющиеся обстоятельства отражались

был наименее опасный материал.

- «Хромая судьба» была соединена с «Гадкими лебедями»** и в этой редакции была представлена в «Неву», где редактор Борис Николаевич Никольский изучил этот вопрос и сказал, что он советуется...

- С кем?

- ...По-со-ве-е-етует. А посоветовавшись, он сказал: «Вы знаете, Борис Натанович, с «Гадкими лебедями» давайте подождем. Если ситуация изменится, мы опубликуем их отдельно в следующем году. Давайте просто «Хромоую судьбу».

- Давайте охарактеризуем время: это не был отчаянный, рискованный поступок, а было взвешенное решение — «уже можно». Так ведь?

- Это был момент, когда наступило облегчение. Такой был момент. В отдельных интеллигентских семьях во время дружеских застолий уже поднимались тосты за Михаила Сергеевича, за человека, который наконец принесет, кажется, что-то новое. Как раз именно в это самое время, я помню, я занимал сугубо пессимистическую позицию и говорил, что нет, я не буду пить за Михаила Сергеевича, я не верю. Ему никакие изменения не нужны. Это не более как очередной поворот. Мы это видели уже при Никите Сергеевиче. Я знаю, что будет, говорил я. Все это пойдет по знакомому пути, с той только разницей, что сейчас начнутся обширные, массовые, громкие процессы над коррумпированным чиновничеством. Под это дело Михаил Сергеевич уберет всех своих соперников.

- Так и я думал в тот момент...

- Естественно. А пить за Михаила Сергеевича я не хотел. Потом наступил такой период — некое отступление Михаила Сергеевича вправо. Я уже забыл, когда это случилось...

- Думаю, вы имеете ввиду речугу на 7 ноября. Все ее очень ждали: от какой части прошлого он отмежует, кого он реабилитирует. А речуга была очень остороженькая.

- Я прекрасно помню, как интеллигенция принялась с проклятиями снимать портреты Михаила Сергеевича, развешанные в квартирах. Я, опять же, в этом не находил ничего впечатляющего... Вот интересно было бы действительно вспомнить тот момент, когда я ощутил необратимость происходящего.

- Давайте снова попробуем, через ваши дела. Вот, «Хромая судьба» проскочила. Замечательно, но никаких великих перемен не обозначает. Вы и раньше ее пытались пропихнуть, еще на моей памяти, а я уехал в конце 1983-го. То есть, какая-то надежда всегда была — и вот получилось. Так? Другое дело — вытащить из тайника «Град обреченный». Это уже шаг. Когда вы об этом стали думать?

- Да очень скоро. Спустя полгода, а может быть, и меньше. Мы говорили об этом с Сашей*** разработали план действий. Решили, что преподнесем это как новую вещь, которая была много лет назад начата, но не закончена...

- Помните, вы подсовывали «Неве» главу... Году в 77-м?

- Да, да, да. Ну вот, а теперь закончили. Надо было придумать какие-то соуса. То есть, ситуация была непростая. Вы помните, когда «Град» появился?..

- Во второй половине 1987 года... Или 1988-го?

- Ну вот, и вы тоже не помните.

- ...Погодите, почти уверен, что «Нева» начала его печатать осенью 1988 года. Вы его разбили на два куска, и второй кусок появился через год. И вы написали мне, что в момент подачи рукописи вы побоялись давать все целиком, а к моменту, когда роман стал печататься, уже бояться было нечего, но и исправить было нельзя — второй кусок пошел годом позже.

- Не помню уже, чем это объяснялось... А, из-за последней части!.. Там было дело вот как. Самуил Аронович совершенно резонно сказал: «Боря, вы понимаете, что у вас получается? Единственный в романе что-то соображающий человек есть лицо еврейской национальности». Я помню, мы серьезно обсуждали ситуацию, — ясно было, что

на ваших литературных делах. К апрелю 1985 года у вас скопилось несколько работ, по тем или иным причинам не доступных читателю. Во-первых, «Град обреченный», роман, законченный в 1974 году и с той поры вообще спрятанный, роман, который вы показали считанным людям. Дальше — повесть «Хромая судьба», связанная генетически с романом. Ее, варьируя вставной сюжет, вы таскали по редакциям, но никто не брался эту повесть печатать. Следующая ступень — «Гадкие лебеди», повесть, опубликованная на Западе, но в Союзе никогда не издававшаяся. И, наконец, «Улитка на склоне» и «Сказка о Тройке», опубликованные в Союзе и изъятые из библиотек — мало кому доступные. Так? Значит перемены связаны были для вас с тем, когда и как вы начинаете публиковать все это, да?

- Да, Миша, конечно, конечно... Если бы я это все помнил... Я помню, как проходила — в общем и целом помню, — как проходила «Хромая судьба».

- С нее началось, разумеется. Это